

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xittvx>

Признаки оборотоспособности отхода как объекта гражданских прав

Переладов Андрей Викторович

НО «Коллегия адвокатов "Регионсервис"», Россия, Кемерово

info@regionservice.com

Калинин Вячеслав Николаевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Московский государственный юридический университет

имени О. Е. Кутафина, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1625-8590

Аннотация: Работа посвящена признакам оборотоспособности отходов как объектов гражданских прав. Цель – рассмотреть проблему определения отходов производства и потребления, а также отходов недропользования в качестве объектов гражданских прав, уяснить субъективную и объективную ценность отходов для гражданского оборота для целей их признания в качестве объекта прав. Обозначается проблема содержания права собственности на отходы, которая обусловлена ограниченной оборотоспособностью отходов. Обосновывается, что право собственности на отходы обременяется обязанностью образователя отхода удалить его из оборота в обозначенных императивными нормами границах. На основании изучения действующего законодательства делается вывод, что законодатель разграничивает собственника отходов и их образователя для целей исчисления публично-правовых платежей за негативное воздействие на окружающую среду, а потому передача титула на отходы не освобождает первоначального образователя от внесения обозначенных платежей. Исследуется особенность оборотоспособности отходов недропользования, обусловленная последними изменениями в специальном законодательстве. Установлено, что отходы недропользования долгое время, несмотря на их объективную полезность, не вовлекались в оборот с целью наиболее рационального использования недр. В ходе анализа и уяснения правовой природы отношений, складывающихся при недропользовании, сделан вывод о том, что выдача государством лицензии на недропользование представляет собой распорядительную сделку, совершенную под условием. На основании анализа особого правового режима права собственности на отходы недропользования и полезные ископаемые, содержащиеся в них, обозначена проблема распорядительной власти недропользователя по передаче отходов третьему лицу.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, отходы производства и потребления, отходы недропользования, оборотоспособность отходов, передача отходов третьему лицу, право собственности на отходы, обязательства собственника отходов

Цитирование: Переладов А. В., Калинин В. Н. Признаки оборотоспособности отхода как объекта гражданских прав. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки*. 2025. Т. 9. № 4. С. 633–648. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-4-633-648>

Поступила в редакцию 06.08.2025. Принята после рецензирования 28.08.2025. Принята в печать 28.08.2025.

full article

Conveyancing of Waste in Civil Rights

Andrey V. Pereladov

Bar Association "Regionservis", Russia, Kemerovo

info@regionservice.com

Vyacheslav N. Kalinin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Kutafin Moscow State Law University, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 1625-8590

Abstract: Waste can be an object of civil rights. The article defines such notions as production, consumption, and subsoil wastes in civil rights, as well as clarifies the subjective and objective utility of wastes for civil turnover. The right of waste ownership is associated with its limited negotiability. It is established when the waste generator is obliged to remove it as stipulated by the corresponding norms. The legislator distinguishes between the owner of waste and the generator of waste when calculating the environmental tax. As a general rule, conveyancing does not exempt the generator from making the designated payments. The sphere of subsoil waste has some specifics in this regard due to the recent changes in the special legislation. Despite its objective usefulness, subsoil waste often remains beyond objective turnover and sustainable use. The analysis of the legal relations in subsoil use

reveals that licensing is a dispositive transaction *sub modo*. Due to the separation of the ownership right to subsoil wastes and minerals in them, conveying waste to a third party may be problematic.

Keywords: objects of civil rights, production and consumption waste, subsoil waste, waste turnover, conveying of waste to a third party, ownership of waste, obligations of the owner of waste

Citation: Pereladov A. V., Kalinin V. N. Conveyancing of Waste in Civil Rights. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2025, 9(4): 633–648. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2025-9-4-633-648>

Received 6 Aug 2025. Accepted after review 28 Aug 2025. Accepted for publication 28 Aug 2025.

Введение

Необходимыми составляющими любого субъективного права являются правомочия, которые предопределяют поведение участника правоотношений. Право собственности как абсолютное субъективное право лица в отношении вещи может ограничиваться лишь необходимостью соблюдения прав и законных интересов иных лиц, а также соблюдения требований действующего законодательства. Оборотоспособность вещи, являющаяся одним из свойств любого объекта гражданских прав, одновременно с этим представляет собой и необходимую характеристику, которая определяет не только границы возможной распорядительной власти собственника имущества, но и является одним из условий возникновения права собственности в принципе (например, для вещей *extra commercium*). Настоящее исследование посвящено признакам оборотоспособности отходов как объектов гражданских прав.

Цель работы – рассмотреть проблему определения отходов производства и потребления, а также отходов недропользования в качестве объектов гражданских прав, уяснить субъективную и объективную ценность отходов для гражданского оборота для целей их признания в качестве объекта прав.

Результаты

Отход в системе объектов гражданских прав

Согласно абз. 1 п. 1 ст. 1 Федерального закона № 89-ФЗ от 24.06.1998 «Об отходах производства и потребления»¹ (далее – Закон об отходах), отходы производства и потребления – вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, предназначены для удаления или подлежат удалению.

Исходя из этого понятия, можно сделать несколько выводов. Во-первых, отходы – это всегда определенные вещества (в твердой или жидкой форме) или предметы. Во-вторых, Закон об отходах устанавливает, что отходы образуются в результате

деятельности лиц, природное (естественное) происхождение отходов исключено, что для нас будет важно при уяснении содержания «отходного» правоотношения в дальнейшем. В-третьих, отход обладает признаками вещи – является предметом, имеющим пространственное измерение, а также доступен к господству со стороны человека. В-четвертых, характерная особенность отхода как объекта гражданских прав – императивно предписанное ему скорейшее удаление из оборота, т. е. его уничтожение.

Закон об отходах вопросы возникновения и прекращения права собственности на отходы не регулирует, отсылая к нормам гражданского законодательства (ст. 4), что означает общее признание отхода объектом гражданских прав (ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)).

Ст. 128 ГК РФ определяет несколько видов объектов гражданских прав, а именно: вещи, иное имущество, в том числе имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага. Исходя из указанного перечня, можно установить, что отход является наиболее близкой категорией к такому объекту, как «вещь».

Как указывает Е. А. Суханов, вещь – материальный предмет (физически осязаемый объект), обладающий пространственными характеристиками, имеющей экономическую форму товара и в силу этого относящийся к объектам гражданских прав [1, с. 67]. Выделяя необходимость наличия у вещи экономической формы товара и А. Я. Сухарев [2, с. 401].

Схожую позицию можно обнаружить у Д. И. Мейера, который утверждал, что вещью может быть признан только тот объект, который имеет какую-либо ценность в обороте [3, с. 139]. По этой причине Д. И. Мейер не считал вещами свободных птиц, но в то же время признавал в качестве объекта ту же самую птицу, если она посажена в клетку.

¹ Об отходах производства и потребления. ФЗ № 89-ФЗ от 24.06.1998. СПС КонсультантПлюс.

Вместе с тем исследователь выделял и обратный порядок, когда вещь могла исключаться из оборота и переставала быть объектом гражданских прав, если она уничтожалась (например, пепел не представлял, по мнению автора, ценности, а потому и установление над ним господства какого-либо лица виделось нецелесообразным) [3, с. 140].

Стоит обозначить, что подход Д. И. Мейера был поддержан и развит далее советскими цивилистами. Так, С. С. Алексеев и вслед за ним еще ряд авторов считают, что для гражданского права значение имеют лишь те вещи, которые обладают полезными свойствами, позволяющими их эксплуатировать и вступать по их поводу в правоотношения; вещи, способные удовлетворять какую-либо потребность человека [4, с. 155; 5, с. 168; 6, с. 126].

Мнение о том, что вещью может являться лишь объект, над которым может быть установлено господство со стороны человека, разделяется и современной доктриной. Например, А. В. Егоров утверждает, что вещами могут быть не только твердые, но и жидкые, а также газообразные тела, если они заключены в определенные емкости и доступны к господству со стороны человека (вода в бутылках, газ в баллонах и т. п.) [7, с. 89].

Проанализировав указанные точки зрения, обозначим, что все ученые выделяют у вещи как объекта гражданских прав два основополагающих признака. Во-первых, вещь может подлежать господству со стороны человека, т. е. человек (или иной субъект правоотношений) может совершать с ней какие-либо действия. Во-вторых, вещь должна обладать ценностью для гражданского оборота.

При таком подходе к пониманию вещи стоит отметить, что признание за отходом природы вещи невозможно по тем причинам, что отход, на первый взгляд, не имеет какой-либо ценности для гражданского оборота. Однако с таким взглядом можно не согласиться, потому как ценность отхода достаточно своеобразна и условна. Отходы представляют ценность для оборота, но только при соблюдении определенных условий (административный порядок

оформления, накопления и использования), которые разнятся в зависимости от вида самого отхода. Примером таких вещей-отходов, представляющих определенную законом ценность, служат побочные продукты², вторичное сырье³, вторичный ресурс⁴, побочные продукты животноводства⁵, некоторые виды отходов, содержащие особые компоненты, в том числе отходы недропользования⁶.

Избирательная ценность отхода для гражданского оборота в целом может быть обоснована предложенной С. С. Алексеевым теорией о субъективной ценности объекта для целей включения его в гражданский оборот. Субъективная полезность складывается из того, что ценность конкретной вещи может иметь различный характер (то, что ценно для одного, бесполезно для другого), а также сама вещь может утратить ценность в будущем и для самого лица [4, с. 156].

Объяснить с теоретической точки зрения, почему отход должен являться вещью, может также подход П. И. Стучки, согласно которому понятие вещи достаточно изменчиво, а потому в качестве вещи могут восприниматься разные объекты на разных этапах развития общества [8, с. 184–186].

Современное правовое регулирование правоотношений, складывающихся при обращении с отходами, в том числе норма ст. 4 Закона об отходах, как раз и наталкивает нас на мысль, что отход должен признаваться вещью, обладающей как субъективной, так и объективной ценностью.

Отход может обладать субъективной ценностью для лица, в деятельности которого он был образован, о чем свидетельствует наличие разрешенных к обороту таких категорий вещей, как вторичный ресурс, вторичное сырье и побочный продукт, которые получаются из отходов⁷ или условно являются «не отходом», если лицо, в чьей деятельности образовался отход, выполнит ряд действий по его учету в обороте⁸, его хранению и / или использованию в своей хозяйственной деятельности⁹. Также обозначим, что упомянутый режим «не отхода» может быть ретроактивно опровергнут

² Об охране окружающей среды. ФЗ № 7-ФЗ от 10.01.2002. Ст. 51.1 (далее – Закон об охране окружающей среды). СПС КонсультантПлюс.

³ Ст. 1 Закона об охране окружающей среды.

⁴ Ст. 17.1 Закона об отходах.

⁵ О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 248-ФЗ от 14.07.2022 (далее – Закон о ППЖ). СПС КонсультантПлюс.

⁶ О недрах. Закон РФ № 2395-1 от 21.02.1992. Статьи 23.4, 23.5 (далее – Закон о недрах). СПС КонсультантПлюс.

⁷ См.: ст. 1 Закона об отходах, ст. 1 Закона об охране окружающей среды.

⁸ П. 1 ст. 5 Закона о ППЖ; Об утверждении порядка, сроков и формы направления уведомления об отнесении веществ, образуемых при содержании сельскохозяйственных животных, к побочным продуктам животноводства. Приказ Минсельхоза России № 671 от 07.10.2022. СПС КонсультантПлюс.

⁹ П. 2 ст. 5 Закона о ППЖ; раздел V Постановления Правительства РФ № 1940 от 31.10.2022 «Об утверждении требований к обращению побочных продуктов животноводства». СПС КонсультантПлюс.

в административно-правовом порядке в ходе государственного надзора¹⁰.

Также к ряду отходов законодательно сформулировано требование их обязательной оборотоспособности от этапа образования до этапа утилизации. В соответствии с п. 8 ст. 12 Закона об отходах, захоронение отходов, в состав которых входят полезные компоненты, подлежащие утилизации, запрещается¹¹, что также указывает на объективную ценность отхода для всего оборота, поскольку лицу, деятельность которого привела к образованию отхода, предписано извлечение из него полезных компонентов. Указанное предписание, с одной стороны, создает императивный запрет для лица, создавшего отход, на вывод его из оборота с не извлеченными полезными компонентами путем захоронения. По своей сути, перед нами ограничено оборотоспособная вещь (п. 2 ст. 129 ГК РФ).

Следует также упомянуть совершенно особенные требования к субъектному составу «отходного» правоотношения, несоблюдение требований которого может повлечь как ничтожность самой сделки по передаче отхода, так и аннулирование у отхода режима оборотоспособной вещи («не отхода»). Речь идет о цензе правосубъектности у лица, принимающего отход от образователя. Примеры таких требований мы можем обнаружить в п. 5 ст. 7 Закона о ППЖ, согласно которому передача побочных продуктов возможна, только если принимающая сторона занимается производством сельскохозяйственной продукции. Схожие по смыслу положения можно увидеть и в ч. 6 Закона о недрах, которая устанавливает четкие цели как самой передачи отходов недропользования, так и требования к принимающему лицу, которое должно быть пользователем недр. В научной литературе отмечается, что в случае если у какой-либо из сторон отсутствует лицензия на пользование недрами, то сделка по передаче будет считаться оспоримой по п. 1 ст. 173.1 ГК РФ («Недействительность сделки, совершенной без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления») [9, с. 50]. Р. А. Прощалягин указывает, что в данном случае в качестве согласия

следует рассматривать выдачу государственным органом лицензии пользователю недр в соответствии со ст. 11 Закона о недрах [Там же].

Мы не можем согласиться с подобной точкой зрения, потому как исторически норма ст. 173.1 ГК РФ действительно содержала указание на оспоримость сделки, совершенной без наличия соответствующей лицензии, однако в ходе реформы (Закон № 100-ФЗ от 07.05.2013) от этого положения законодатель отказался. По этим причинам остается возможность применения исключительно статей 168 и 169 ГК РФ.

Полагаем, что дискуссионным будет являться вопрос о признаках ничтожности указанных сделок в случае, если отход будет передан лицам, не обладающим соответствующим правовым статусом. Будет ли здесь конкуренция норм пунктов 1, 2 ст. 168 и ст. 169 ГК РФ?

Судебная практика предлагает квалифицировать сделки, совершенные без необходимой в силу закона лицензии, по ст. 168 ГК РФ. Соответственно, такая сделка будет являться оспоримой¹². Такой же позиции придерживается и Верховный Суд – сделка лица, не обладающего лицензией, если законом не установлено иное, является оспоримой, ее вправе оспорить другая сторона с возмещением причиненных ей убытков (п. 89 ПП ВС РФ № 25 от 23.06.2015¹³).

Таким образом, наличие порока на стороне субъектного состава не делает сделку ничтожной. Однако встречаются и точки зрения, обосновывающие ничтожность таких сделок [10, с. 371].

Из приведенных выше суждений усматривается не только субъективная, но и объективная ценность отхода, которая прослеживается в требованиях к субъектному составу «отходного» правоотношения, стадийностью оборота отхода и его единственной цели. Сформулированная законодательством России процедура выведения отхода из оборота является единственным возможным легальным периодом существования отхода в гражданском обороте.

Соответственно, отход выступает объектом гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), который при соблюдении нормативных предписаний может быть приобретен в собственность. Отметим, что указанный вопрос в отношении определенных видов отходов требует более детальной теоретической проработки¹⁴.

¹⁰ П. 6 ст. 5 Закона о ППЖ.

¹¹ Перечень таких компонентов утвержден Распоряжением Правительства РФ № 1589-р от 25.07.2017.

¹² Рекомендации Научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Уральского округа № 1/2014 по вопросам, возникающим при рассмотрении споров, связанных с применением части первой ГК РФ (изменение правового регулирования) (по итогам заседания, состоявшегося 15 мая 2014 г.).

¹³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 от 23.06.2015. СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ Отдельные виды медицинских отходов (ст. 49 ФЗ № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья граждан в РФ») не могут включаться в оборот, например, органы и ткани подлежат обязательному уничтожению (кремации) или захоронению (п. 180 Постановления Главного государственного санитарного врача РФ № 3 от 28.01.2021).

Особенности определения и содержания права собственности на отходы

Признавая отход в качестве объекта гражданских прав, мы не должны автоматически признать за его собственником все соответствующие юридические правомочия, вытекающие из раздела II ГК РФ («Право собственности и другие вещные права»), поскольку описанная выше специфичность «отходного» правоотношения не позволяет наделить собственника отходов всей полнотой прав по времени, месту и способу использования отхода в обороте, а также в выборе контрагента по его отчуждению (передаче).

Специальное законодательство, которое представлено в первую очередь Законом об отходах, отвечает на вопрос о праве собственности на отход бланкетной нормой ст. 4: «Право собственности на отходы, как объект права собственности, определяется в соответствии с гражданским законодательством»¹⁵.

Но несмотря на наличие бланкетной нормы, Закон об отходах максимально сужает содержание права собственности на него и ограничивает их предписанием в отношении собственника по принятию мер, направленных на уничтожение своей собственности и прекращение права на отход на основании п. 1 ст. 235 ГК РФ («Прекращение права собственности в результате уничтожения объекта права»). В рассматриваемом нами случае Закон об отходах очень сильно переворачивает обыденное представление о «неприкосновенности собственности» (п. 1 ст. 1 ГК РФ).

Право собственности является категорией сугубо гражданско-правовой, и тот факт, что Закон об отходах не пытается изменить цивилистическое понимание собственности, следует, с одной стороны, оценить положительно. Однако, с другой стороны, особенности оборота отхода и содержания отходного правоотношения свидетельствуют о том, что норма ст. 4 Закона об отходах является псевдо-бланкетной. Правовое содержание отходного правоотношения находится в сфере специального регулирования отходов, и это регулирование различается в зависимости от вида деятельности, которая образует отход. Уже сейчас законодательство России содержит очевидные особенности оборота отходов, полученных в сфере недропользования¹⁶, животноводства¹⁷, медицинской деятельности¹⁸. Таким образом, норма ст. 4 Закона об отходах создает иллюзию наличия всех правомочий у собственника отхода в отношении него, что опровергается содержанием императивных норм публичного законодательства об отходах.

Ни о какой диспозитивности метода правового регулирования отходного правоотношения, равно как и свободы правомочий собственника в отношении них, речи быть не может.

Действующий ГК РФ не дает легальной дефиниции праву собственности, однако определяет его содержание. Исходя из п. 2 ст. 209 ГК РФ, мы можем понять собственность как господство лица над вещью, которое ограничено только законом и охраняемыми им правами и интересами третьих лиц. В остальной части собственник вещи может производить с ней любые действия. Схожее понимание принято и в теории гражданского права: так, А. В. Венедиктов определял собственность как право «использовать вещь своей властью и в своем интересе» [11, с. 299].

При этом классическое представление о правомочиях собственника (п. 2 ст. 209 ГК РФ) нельзя в полной мере применить к отходам, поскольку Закон об отходах ограничивает волю собственника и устанавливает ограничения оборотоспособности отходов и цикл их оборота (п. 2 ст. 129 ГК РФ), которые, по сути, определяют все конкретные шаги собственника отхода, которые он должен совершить. Перед переходом к рассмотрению конкретных шагов правильным видится рассмотрение вопроса именно о приобретении права собственности на отходы.

Гражданский кодекс РФ разделяет основания приобретения права собственности на оригинальные (первоначальные) и производные. Основное отличие указанных способов ставится в зависимость от наличия правопредшественника, от которого зависит право собственности на объект у приобретателя.

При первоначальном приобретении мы чаще всего сталкиваемся с ничейной вещью (брошенная вещь и т. д.) либо же нами создается новая вещь, которой ранее не существовало. В силу указанных причин право при оригинальном основании приобретения не зависит от воли каких-либо иных лиц, достаточно воли лица на создание вещи, ее принятие и обращение в свою собственность. Как справедливо отмечал Г. Ф. Шершеневич, при первоначальном приобретении права собственности право устанавливается самостоятельно, независимо от другого лица [12, с. 259].

С производными способами дело обстоит в определенной степени сложнее, поскольку тут мы видим перед собой совпадение актов отчуждения и приобретения, а также всегда оцениваем соразмерность указанных актов. Важность оценки соразмерности актов отчуждения и приобретения точно выражена

¹⁵ Об отходах производства и потребления...

¹⁶ О недрах...

¹⁷ О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений...

¹⁸ Об основах охраны здоровья граждан в РФ. ФЗ № 323-ФЗ от 21.11.2011. Ст. 49. СПС КонсультантПлюс.

в римской максиме: *Nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse haberet* (никто не может передать другому больше права, чем имеет сам). Например, если при передаче вещи отчуждатель превышает свой акт отчуждения (скажем, пытается передать в собственность вещь, которая находится у него на праве аренды), то у приобретателя вещи не может возникнуть право собственности. Объясняется это тем, что акт приобретения, который он пытается совершить, уже ограничен пороком на стороне отчуждателя, а именно недостаточностью его прав на распоряжение вещью.

Общим правилом производного способа приобретения права собственности в действующем ГК РФ является приобретение объекта на основании обязательственной сделки (купля-продажа, мена, дарение и др.) (п. 2 ст. 218 ГК РФ). В силу того, что при производных способах вещь уже имеет собственника, происходит смена субъекта права при идентичности объекта, а потому вещь переходит к новому собственнику со всеми особенностями ее юридического положения (*cum sua causa*), включая обременения, установленные в отношении нее собственником по отношению к третьим лицам (сервитут, залог и др.).

Рассматривая указанную дилемму способов приобретения права собственности, можно с уверенностью утверждать, что наиболее часто право собственности на отходы возникает у лица первоначально. Классической ситуацией выступает пример, когда лицо в хозяйственной деятельности осуществляет работу с различными материалами, в результате чего образуется отход. Например, столярная мастерская при обработке дерева всегда получает опилки, которые могут являться либо отходом, либо побочным продуктом, либо вторичным ресурсом (в зависимости от того, как эта мастерская определят дальнейшую судьбу этих опилок). В данном случае происходит оригинальное приобретение права собственности на основании п. 1 ст. 218 ГК РФ, как на вновь создаваемую вещь (опилки).

Характерным аспектом содержания права собственности на отход, приобретаемого первоначальным или производным способом, является императивное предписание, определяющее содержание, формы и период дальнейшего оборота отхода, контролеров при производном способе приобретения права собственности на отход. Указанное означает, что воля лиц, передающих и / или принимающих титул права собственности на отход в формировании его содержательного наполнения, не является для государства значимым фактором. Как таковая диспозитивность в определении объема прав

и обязанностей сторон при возникновении и переходе права собственности на отход законодательством об обороте отходов не обеспечена.

Обозначенное выше в полной мере подтверждается нормативным регулированием права собственности на отходы недропользования, осуществляющегося в соответствии с Законом о недрах. Особенность отходов недропользования заключается в том, что их регулирование полностью подчинено специальному закону и не входит в предмет регулирования Закона об отходах (п. 3 ст. 2 Закона об отходах).

Как верно отмечает М. С. Бесланеева, «отходы недропользования могут обладать потенциально ценностями потребительскими свойствами ввиду содержания в них полезных ископаемых и полезных компонентов, не извлеченных на момент первичной переработки» [13, с. 93]. Несмотря на ценность указанных отходов и возможность вовлечения их в оборот, отечественное право долгое время не знало, что такое *отходы недропользования* и каким образом можно их использовать [14, с. 64].

Первым в современной истории шагом в области рационального использования отходов недропользования и вовлечения их в оборот явилось принятие Федерального закона № 343-ФЗ от 14.07.2022 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О недрах" и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁹ (далее – Закон № 343-ФЗ).

Стоит отметить мнение отдельных ученых, которые указывают, что, несмотря на включение перечня отходов недропользования в закон, так и не было закреплено определение понятия данной категории [15, с. 44]. Так, в соответствии с абз. 2 преамбулы Закона о недрах в новой редакции к отходам недропользования отнесены вскрышные и вмещающие горные породы, шламы, хвосты обогащения полезных ископаемых и иные отходы геологического изучения, разведки, добычи и первичной переработки минерального сырья, содержащие полезные ископаемые и полезные компоненты или не содержащие полезных ископаемых и полезных компонентов. Трудно предположить какие еще дифференцирующие признаки отхода недропользования должны быть заложены в указанной definicione, чтобы сделать ее достаточной для оборота. Родовые признаки отхода недропользования здесь представлены исчерпывающе.

Рассмотрим дискуссионный вопрос об особенностях возникновения права собственности на отходы недропользования. Одни ученые считают возможным признание права собственности на отходы недропользования за подрядчиком, который осуществляет переработку сырья (т. е. отходов

¹⁹ О внесении изменений в Закон РФ «О недрах» и отдельные законодательные акты РФ. ФЗ № 343-ФЗ от 14.07.2022. СПС КонсультантПлюс.

недропользования) на основании договора подряда [16, с. 67–68; 17, с. 21]. Другие придерживаются мнения, что право собственности на отход возникает у лица, которое добыло полезные ископаемые на основании лицензии [18, с. 151]. Третьи же исследователи приходят к мнению, что отходы недропользования должны признаваться собственностью государства, поскольку, передавая конкретному лицу право пользования недрами, государство не передает ему собственность на указанные недра, а значит, все, что получено при их использовании вне рамок лицензии, должно оставаться в собственности государства [19, с. 72].

Можно согласиться с последней точкой зрения в том, что ст. 1.2 Закона о недрах допускает нахождение недр на территории России исключительно в государственной собственности, тогда как частная собственность возможна только на добытые полезные ископаемые. Вместе с тем авторами всех точек зрения не учтено следующее.

Во-первых, Закон о недрах разграничивает сами недра как объект недвижимости и отходы недропользования, которые образуются в результате осуществления разработки и добычи недр, что прямо следует из преамбулы названного закона. Это свидетельствует о том, что правовой режим «недр» не является идентичным для правового режима отходов недропользования, распространяющегося на вмещающие и вскрышные горные породы.

Во-вторых, возможность самой добычи полезных ископаемых устанавливается специальным документом – лицензией (ст. 11 Закона о недрах), которая может содержать в себе право на добычу как основного полезного ископаемого, так и попутных полезных ископаемых (п. 2 ст. 12 Закона о недрах). Недропользователю может быть предоставлено право добывать сразу несколько полезных ископаемых, если месторождение является многокомпонентным. В соответствии с Постановлением Правительства РФ № 963 от 12.08.2017 «О критериях отнесения полезных ископаемых к попутным полезным ископаемым (за исключением попутных вод, углеводородного сырья и общераспространенных полезных ископаемых)²⁰ (далее – Постановление № 963) установлены критерии, согласно которым попутные полезные ископаемые могут содержаться в том числе и в отходах недропользования. В таком случае попутные полезные ископаемые, добытые из отходов недропользования на условиях лицензии, должны будут признаваться собственностью недропользователя. Однако если попутные полезные ископаемые не соответствуют критериям,

установленным в Постановлении № 963, либо же если они не указаны в лицензии, то недропользователь не может претендовать на их приобретение в собственность, поскольку данные объекты не являются предметом добычи, а следовательно – не переходят из государственной собственности в частную собственность недропользователя.

В-третьих, передача сырья для переработки (извлечения) из него некой полезной вещи, в том числе полезного ископаемого, по договору подряда может быть возможна только при условии наличия у лица, передающего сырье, права на него. В спектре специальных правоотношений по недропользованию и «отходного» правоотношения «сырье» является отходом, на распоряжение им уже нужно правомочие собственника.

Последние законодательные изменения подтверждают сделанные нами выводы. Так, Законом № 343-ФЗ за недропользователем закреплено право использовать отходы недропользования для собственных нужд либо передавать их иным лицам (статьи 23.4, 23.5 Закона о недрах). Указанные изменения законодательства о недрах создали дифференцированный правовой режим для отходов недропользования, которые при соблюдении определенных условий утрачивают статус отходов и могут вовлекаться в оборот в установленных законом формах [20, с. 186]. При этом важно учитывать, что для лицензий, выданных после 1 сентября 2023 г. (то есть после вступления в силу новой редакции п. 13 ст. 12 Закона о недрах), является обязательным указание не только собственника добытых полезных ископаемых, но и собственника отходов недропользования (вскрышных и вмещающих горных пород). Таким образом, разделяются элементы правоотношения – «полезное ископаемое» и «отход», и субъекты правоотношения – собственник добытого полезного ископаемого и собственник отхода.

Мы приходим к выводу о том, что сформулированный законодателем правовой режим недропользования с элементом «отходного» правоотношения является уникальным и, по сути, обладает признаками межотраслевого института, несмотря на внешнюю изолированность правовых норм законодательства о недрах от законодательства об отходах. Основные критерии природоохранительного правоотношения к «отходному», «недропользовательскому» правоотношению все равно применяются через призму норм Федерального закона «Об охране окружающей среды», статьи 1, 3 и 22 которого предполагают нормирование деятельности по размещению отходов. Если требования, предусмотренные статьями

²⁰ О критериях отнесения полезных ископаемых к попутным полезным ископаемым (за исключением попутных вод, углеводородного сырья и общераспространенных полезных ископаемых). Постановление Правительства РФ № 963 от 12.08.2017. СПС КонсультантПлюс.

23.4 и 23.5 Закона о недрах, не будут выполняться, то никакого иного правового режима у вещи – вмещающей горной породы и / или вскрышной горной породы, кроме как отхода, не может появиться. В этом проявляется особый императивный способ регулирования природоохранного «отходного» правоотношения, имеющего свой параллельный режим квалификации объектов гражданского оборота как отходов / не отходов, обременяющий их обязательствами отходного правоотношения.

В соответствии с п. 6 Приказа Минприроды России и Роснедр № 246/03 от 25.04.2023 «Об утверждении Порядка добычи полезных ископаемых и полезных компонентов из отходов недропользования, в том числе из вскрышных и вмещающих горных пород»²¹ (далее – Приказ № 246/03) предусмотрен уведомительный порядок для недропользователя о своем намерении начать работы по извлечению полезных ископаемых из отходов. В совокупности с означенным выше усложнением структуры правоотношения и ее элементов это направлено на реализацию принципа наиболее полного и рационального использования недр, закрепленного в п. 5 ст. 23 Закона о недрах.

Принципиально новые положения в этом ключе – п. 6 и п. 7 ст. 23.5 Закона о недрах, которые представляют возможность передачи вскрышных и вмещающих горных пород иным лицам, что расширяет субъектный состав «недропользовательского» и «отходного» правоотношения. В особенности обращает на себя внимание передача отхода лицам, которые не являются пользователями недр.

До конца остается неясным, что вкладывается законодателем в понимание категории «передача» – это не может быть простым физическим перемещением отхода без перенесения на принимающее лицо каких-либо прав либо же наделение принимающей стороны определенными правами в отношении отхода. Однако существующие на настоящий момент нормы Закона о недрах и подзаконных актов не дают четкого понимания того, с какого момента происходит возникновение, изменение и / или прекращение «недропользовательского» и «отходного» правоотношения.

Положения ст. 23.5 Закона о недрах уточнены в совместном приказе Минприроды России № 247, Роснедр № 04 от 25.04.2023 «Об утверждении Порядка использования отходов недропользования, в том числе вскрышных и вмещающих горных пород, пользователями недр»²², который устанавливает в качестве основания для передачи вскрышных и вмещающих

горных пород заключение договора, который предусматривает передачу данных объектов иному лицу (пункты 11, 12). С учетом данных положений стоит признать, что под «передачей» законодатель все же подразумевает определенное юридическое распоряжение судьбой указанных отходов.

Как справедливо отмечено Р. А. Прощалягиным, Приказ № 246/03, равно как и Закон о недрах, не устанавливает, какой именно договор должен быть заключен (купля-продажа, мена, аренда и т.д.), а также умалчивает о существенных условиях данного соглашения [9, с. 43]. В отсутствие специального урегулирования этого вопроса представляется, что недропользователь может самостоятельно избрать тот вид договора, который сочтет нужным. Однако это касается только содержания договора. Представляется очевидным, что стороны такого договора не могут своим соглашением, руководствуясь свободой договора и нормами ст. 421 ГК РФ, отменить, например, целевое назначение передаваемой горной породы, отменить возможность административной и экологической ответственности субъектов правоотношения, если ими будут нарушены какие-либо природоохранные нормы.

Однако это не отменяет вывода о том, что публичный субъект признает своей собственностью исключительно сами недра, его собственность на полезное ископаемое в отходах недропользования должна быть специально установлена. Это не исключает полного совпадения понятия *отход* и *полезное ископаемое*, если, например, вся вмещающая горная порода будет являться, по сути, отдельным видом полезного ископаемого. Полезные ископаемые могут переходить в частную собственность недропользователя только в случае осуществления им добычи последних из обозначенных отходов при наличии лицензии, заключения государственной экспертизы и утвержденного технического проекта (п. 3 Приказа № 246/03).

Остальные же отходы (вскрышные, вмещающие породы и т.д. без привязки к конкретному полезному ископаемому) должны поступать в собственность недропользователя как субъекта, в деятельности которого указанный отход образовался.

В связи с означенными пунктами 6, 7 ст. 23.5 Закона о недрах формулируют особое ограничение для приобретения права собственности на отходы недропользования, не предоставляя недропользователю права распоряжения последними, в том числе их передачу иному лицу. Нарушения логической связи тут

²¹ Об утверждении Порядка добычи полезных ископаемых и полезных компонентов из отходов недропользования, в том числе из вскрышных и вмещающих горных пород. Приказ Минприроды России № 246, Роснедр № 3 от 25.04.2023. СПС КонсультантПлюс.

²² Об утверждении Порядка использования отходов недропользования, в том числе вскрышных и вмещающих горных пород, пользователями недр. Приказ Минприроды России № 247, Роснедр № 04 от 25.04.2023. СПС КонсультантПлюс.

не происходит, недропользователь, не будучи собственником полезных ископаемых, находящихся внутри его объекта (отходов недропользования), может распоряжаться одновременно с отходами и своим, и чужим имуществом. Государство без наделения его собственностью наделяет его полномочием по распоряжению полезным ископаемым в отходе в строго определенных целях и строго определенному субъекту. Эта конструкция не имеет аналогов в иных отраслях российского права, кроме законодательства об отходах. Например, формирование государством реестра утилизаторов отходов является примером одобрения и отбора государством контрагента для собственника отхода в рамках «отходного» правоотношения, направленного на прекращение юридической жизни отхода путем его утилизации²³.

В научной литературе указывается, что такое регулирование наводит на мысль о том, что государство предоставляет недропользователю ограниченное вещное право на отходы недропользования, которое и позволяет недропользователю распоряжаться чужим имуществом [21, с. 68]. При этом при определении вещной природы указанных отношений отмечается, что они носят характер «расщепленной» собственности, а выдача лицензии государством является своего рода распорядительной сделкой, на основании которой у недропользователя и возникает обозначенное вещное право [21, с. 73].

С этой позицией следует согласиться лишь частично, поскольку отход и не извлеченное из него полезное ископаемое выступают разными объектами правового регулирования. «Расщепленный» характер здесь может быть обнаружен в сравнении процессов интеграции и дезинтеграции применительно к движимым вещам гражданского оборота. Так, если при строительстве жилого дома право собственности на строительные материалы перестает существовать с момента их присоединения (интеграции), то в ситуации с отходами, содержащими полезное ископаемое, право собственности на последнее возникает с момента их извлечения из отходов (дезинтеграции) – вмещающей горной породе, при этом сама порода как отход не перестает существовать. Этот процесс является сущностью недропользования, когда лицензиату предоставляется право пользования недрами – право на извлечение из участка, находящегося в федеральной собственности, недр, полезного ископаемого с приобретением на него права собственности.

Стоит согласиться с мнением Р. А. Прощалыгина, что выдача лицензии, в которой указывается право недропользователя по распоряжению отходами недропользования, соответствует правовой природе

распорядительной сделки, которая переносит на такого недропользователя распорядительные полномочия в отношении вещи (участка недр и образующихся отходов). Как отмечает А. В. Егоров, распорядительная сделка представляет собой соглашение, по которому передается какое-либо право (в российском праве это цессия, акты передачи права собственности из обязательственных сделок, установление какого-либо вещного права и т.д.) [22, с. 64–66]. В этом плане распорядительная сделка является антиподом обязательственной сделки и в той части, что она имеет абсолютный характер, направленный против всех иных лиц.

Вместе с тем дискуссионной служит сама возможность распоряжения будущим объектом, который еще, возможно, и не будет существовать и еще не принадлежит распоряжающему лицу. В нашем случае полезными ископаемыми, которые уже не являются составной частью недр, но еще находятся в правовом режиме «отхода» и которые будут извлечены (образованы) из вмещающей горной породы.

В соответствии с одной из точек зрения наличие распорядительной власти является обязательным для действительности самой распорядительной сделки, в противном случае сделка ничтожна [22, с. 94]. В соответствии с альтернативной позицией распорядительная власть является условием права (*condicio iuris*), и на стороне распоряжающегося лица распорядительной власти, конечно, нет, но возникает при этом состояние связанности, и если такая распорядительная власть возникнет позднее, то сделка все же сработает (аналогичный подход закреплен в абз. 2 параграфа 185 Германского гражданского уложения) [23, с. 54]. Пример распорядительной сделки в отношении будущего права в нашем ГК РФ – уступка будущего требования (п. 2 ст. 388.1 ГК РФ).

Однако, даже не вдаваясь в указанную академическую дискуссию, можно признать выдачу лицензии распорядительной сделкой, совершенной под условием (ст. 157 ГК РФ). В Гражданском кодексе есть примеры, когда распорядительную сделку можно поставить под условие, в том числе в случаях распоряжения веществами правами – к примеру, это ст. 491 ГК РФ (переход права собственности на товар может быть поставлен под условие его оплаты покупателем).

Само отлагательное условие в нашем примере заключается в том, что в случае добычи полезных ископаемых (отделения составной части вещи (полезного ископаемого) от вмещающей горной породы) последние переходят в собственность недропользователя без дополнительных действий (и иных актов) со стороны собственника (государства).

²³ Ст. 24.2-3 Закона об отходах.

В данной части указанное условие следует отнести к смешанным потестативным условиям.

Также стоит подвергнуть критике позицию Р. А. Прощалыгина о «расщепленной собственности» в части возможности существования непоименованного ограниченного вещного права, предусмотренного Законом о недрах. Одной из ключевых доктринальных позиций гражданского права в отношении вещного права является концепция «закрытого перечня» вещных прав, о которой писал еще в первой половине XX в. М. М. Агарков [24, с. 206].

А. Г. Резе, исследуя германский опыт регулирования вещных прав, выделяет две основные идеи «закрытого перечня»: во-первых, в законе должно быть урегулировано окончательное количество возможных вещных прав; во-вторых, законодатель должен хотя бы в общих чертах урегулировать содержание вещных прав [25, с. 246]. Аналогичную позицию занимает и И. А. Емелькина [26, с. 50].

Необходимость «закрытого перечня» обусловлена абсолютным характером вещных прав, действующих против всех третьих лиц, а, соответственно, невозможность существования вещного права, не названного в законе, служит интересам третьих лиц, которые должны понимать, на какие субъективные права не может быть посягательств вследствие установления того или иного вещного права [27, с. 53]. Стоит отметить, что, несмотря на существующий сейчас открытый перечень ограниченных вещных прав (ст. 216 ГК РФ), Верховный Суд РФ ограничительно трактует данную норму в пользу именно «закрытого перечня»²⁴.

В результате можно сделать промежуточный вывод о том, что отход должен поступать в собственность того лица, в деятельности которого он был образован (при первоначальном способе приобретения права), либо же любого иного лица (в случае отходов недропользования перечень указанных лиц четко очерчен Законом о недрах), которому он передан на основании гражданско-правового договора (при производном способе приобретения права).

В части исследуемых нами особенностей правового режима отходов недропользования установлен особый режим их использования, при соблюдении которого последние не признаются отходами и могут использоваться в дальнейшем. По своей правовой природе отношения, складывающиеся

у недропользователя по поводу вмещающих пород, не следует относить к виду ограниченных вещных прав в силу как недопустимости существования непоименованного ограниченного вещного права, так и отсутствия самого признака ограниченных вещных прав – права на ценность в вещи, закрепляемого за иным лицом в обороте. В данном случае такого лица, в пользу которого можно помыслить установление этого вещного права, попросту нет.

Также в случае нарушения порядка использования отходов недропользования они должны признаваться отходом, попадающим под регулирование Закона об отходах, с вытекающими из него обязательствами в отношении этой вещи. В противном случае в обороте будет существовать непоименованный суррогат отходов, не признаваемый таковым ни специальными нормами законодательства о недрах, ни общими нормами законодательства об отходах.

Бремя содержания отхода

После рассуждений о проблематике определения собственника отходов следует рассмотреть возможность применения норм ст. 210 ГК РФ, возлагающей бремя содержания отхода на его собственника.

Как установлено Конституционным Судом Российской Федерации (КС РФ), бремя содержания имущества предполагает, наряду с необходимостью несения расходов по поддержанию имущества в надлежащем состоянии, еще и обязанность платить установленные законом налоги и сборы²⁵.

Однако применение ст. 210 ГК РФ к обозначенным отношениям возможно с определенной долей условности, поскольку рассмотрение института собственности всегда связано с возникающими из этого в рамках публичных отношений фискальными обязанностями. Основанием для платы налогов и сборов выступают именно нормы налогового законодательства, а не содержание ст. 210 ГК РФ.

Начнем с первого аспекта бремени содержания имущества – исполнения требований природоохранного законодательства при обращении с отходами²⁶.

Судебная практика исходит из того, что уплата платежей за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС) включается в понятие бремени содержания имущества²⁷. Если обратиться

²⁴ См., например, Определение ВС РФ от 14.11.2014 по делу № А40-17110/2013. СПС КонсультантПлюс.

²⁵ По жалобе Уполномоченного по правам человека в РФ на нарушение конституционных прав гражданки Астаховой Ирины Александровны положением подпункта 1 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса РФ. Определение Конституционного Суда РФ № 444-О от 02.11.2006. СПС КонсультантПлюс.

²⁶ О рассмотрении обращения. Письмо Минприроды России № 25-47/30577 от 31.07.2024. СПС КонсультантПлюс.

²⁷ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.12.2022 по делу № А57-26450/2021; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.07.2022 по делу № А40-264590/2021. СПС КонсультантПлюс.

к Закону об охране окружающей среды, то можно заметить отсутствие жесткой связи между собственником отхода и плательщиком НВОС. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 16.1 Закона об охране окружающей среды, плательщиками НВОС при размещении отходов (за исключением твердых коммунальных отходов) являются юридические лица и индивидуальные предприниматели, при осуществлении которыми хозяйственной и / или иной деятельности образовались отходы. Аналогичное правило установлено и в п. 4 ст. 23 Закона об отходах.

Исходя из буквального толкования обозначенных нами норм, можно сделать вывод о том, что выяснение обстоятельств принадлежности на праве собственности отхода конкретному лицу не имеет практического значения, поскольку плательщиком в любом случае выступает лицо, которое данные отходы произвело, т. е. в деятельности которого они образовались. При этом продажа (либо иное распоряжение отходом) с учетом обозначенных законоположений всегда несет риск для продавца, поскольку в случае, если покупатель не осуществит утилизацию отхода, а просто разместит его, конечная ответственность все еще будет сохраняться за образователем отходов, т. е. продавцом. При этом покупатель формально и не должен будет нести ответственность перед продавцом, поскольку он как собственник отходов может распоряжаться своей «вещью» как пожелает [28, с. 58]. Однако данное суждение будет справедливо лишь в тех случаях, если покупателем отхода не выступает специализированный субъект в области обращения с отходами (утилизатор), действия которого в отношении получаемых отходов заранее предписаны законом.

Стоит отметить, что такая же позиция выражена и в официальных письмах Росприроднадзора, который указывает, что плата за НВОС подлежит уплате образователями отходов вне зависимости от факта передачи права собственности²⁸. Схожее понимание можно найти в позициях КС РФ. Например, в Постановлении № 5-П от 05.03.2013²⁹ Конституционный Суд РФ указал, что эксплуатация природных ресурсов и их вовлечение в хозяйственный оборот наносят ущерб окружающей среде, издержки на осуществление государством мероприятий по ее восстановлению в условиях рыночной экономики должны покрываться прежде всего за счет субъектов хозяйственной и иной деятельности,

оказывающей негативное воздействие на окружающую природную среду.

Солидарную позицию занимал и ВАС РФ, который отмечал, что заключение обществом со специализированными организациями договоров на оказание услуг по размещению отходов, предусматривающих оплату этих услуг, а также фактическая оплата услуг по размещению отходов, не означают, что и бремя уплаты публично-правового платежа за НВОС автоматически переходит на указанные организации³⁰.

Таким образом, с одной стороны, Закон об отходах не ограничивает собственника отходов в распоряжении ими, но, с другой стороны, на образователя отходов всегда возложена обязанность по их утилизации. Поэтому, несмотря на приданье отходу формы товара (при его продаже либо иной передаче), перед нами все еще отход, конечной целью обращения с которым является его удаление из оборота. Отсутствие надлежащего исполнения (утилизации отхода) и плата за такое нарушение не зависят от того, кому на праве собственности принадлежал отход.

Также для «отходного» правоотношения не совсем подходят положения ст. 210 ГК РФ, поскольку правила данной статьи направлены в большей степени на содержание имущества с целью его как можно более длительного сохранения в обороте, чего, конечно же, мы не можем видеть в части обращения с отходами, у которой законодательством предписана другая цель. Соответственно, мы в большей степени имеем дело не с временем содержания имущества, а с императивно предусмотренной обязанностью по обращению со специфичным объектом оборота.

Аспекты договорной свободы в области обращения с отходами

Может показаться, что при такой доле императивного регулирования и сложившейся правоприменительной практики обращения с отходами сама норма ст. 4 Закона об отходах не имеет практического смысла.

Конституционный Суд РФ в п. 3.2 Постановления № 5-П указывает: нормативные акты федеральных органов исполнительной власти не исключают решения вопроса о внесении НВОС в рамках договорных отношений, и с экономической точки зрения не имеет принципиального значения, на какую из сторон в гражданско-правовом договоре,

²⁸ См., например, Письмо Росприроднадзора № АА-06-01-36/5099 от 29.03.2016. СПС КонсультантПлюс.

²⁹ По делу о проверке конституционности статьи 16 ФЗ «Об охране окружающей среды» и постановления Правительства РФ «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Тополь». Постановление Конституционного Суда РФ № 5-П от 05.03.2013. СПС КонсультантПлюс.

³⁰ Постановление Президиума ВАС РФ № 8672/08 от 09.12.2008 по делу № А54-3419/2007-С18. СПС КонсультантПлюс.

определяющем отношения, в том числе финансовые, по поводу размещения отходов, будет возложена обязанность по внесению в бюджет платы за НВОС³¹.

Обозначенная позиция КС РФ дает повод для размышлений о допустимости договорной свободы в «отходном» правоотношении, в том числе относительно юридического факта возникновения права на отход и административно-фискальной обязанности, сопровождающей его нахождение в обороте, плате за НВОС.

В ст. 421 ГК РФ закреплен общий принцип свободы договора, который позволяет заключать субъектам гражданских правоотношений любой договор, который не противоречит действующему законодательству. Этот принцип, как уже указывалось выше, не в полной мере может быть применен к договорному регулированию приобретения права собственности на отход и его оборот. Рассмотрим на примере судебной практики, какие аспекты договорного права при обращении с отходами все же могут применяться.

В одном из дел управление Росприроднадзора обратилось с иском о взыскании платы за НВОС к организации, которая на основании договора подряда осуществляла демонтаж здания, собственником которого не являлась³². В качестве обоснования своего требования управление заявляло, что собственником отходов должен являться подрядчик, поскольку именно от его действий образуются отходы.

Судами было отказано в удовлетворении требований на основании того, что договором не установлено, что подрядчик приобретает право собственности на образуемые в ходе работ по демонтажу здания отходы. В рамках рассматриваемого дела суд фактически применил п. 1 ст. 220 ГК РФ, который закрепляет право собственности на новые вещи за собственником материалов, из которых они изготовлены, если иное не установлено договором. По мнению суда, подрядчик не может признаваться образователем отходов и в тех случаях, когда на него договором возложена обязанность по передаче отходов на утилизацию от своего имени с последующей компенсацией обозначенных расходов заказчиком³³.

Высказанная позиция нуждается в более углубленном обсуждении на тему «деятельности, образующей отход». В данном случае такой деятельностью не может являться техническая процедура разрушения здания. Решение о сносе здания – это волевой момент определения судьбы вещи, ее сознательное разрушение. И здесь снова не тот случай

для применения норм ст. 210 ГК РФ о несении бремени расходов, связанных с содержанием имущества. Организация, осуществляющая разбор здания, не реализовывала вещно-правовое правомочие в отношении объекта недвижимого имущества, а выполняла волю его собственника, действуя в интересах последнего. В этом примере «деятельность, образующая отход» должна толковаться расширительно именно в гражданско-правовом контексте – как реализации полномочий собственника, определяющего судьбу вещи и правовые последствия, связанные с ее демонтажем. Оценка, данная судом, как раз подтверждает невозможность полной реализации принципа свободы договора в правоотношении, содержащем элементы отходного правоотношения. Попытка переноса на иное лицо обязанности собственника отхода посредством договорного регулирования была проигнорирована судом, фактически применившим нормы п. 2 ст. 168 ГК РФ о ничтожности сделки. Судом данная часть договора была квалифицирована как не влекущая правовых последствий – т. е. нормы п. 1 ст. 167 ГК РФ.

Как нами было отмечено ранее, установленные в рамках рассмотренного арбитражного дела нарушения порядка обращения с отходами являются риском именно образователя отходов, т. е. заказчика. В аналогичном случае подрядчик, не неся ответственности за неправильное обращение с отходами, может причинить убытки заказчику, которые, по нашему мнению, должны быть возмещены последнему. Но тем не менее (с высокой степенью вероятности) квалифицированы нарушения требований по обороту отходов будут именно в действиях заказчика.

Аналогично можно помыслить и ситуацию, когда договором будет предусмотрен переход права собственности на образуемые отходы. Как отмечалось ранее, сам факт перехода права собственности «по договору» не переносит обязанностей по уплате публично-правовых платежей, а также исполнения обязанностей образователя отходов, возложенных на него императивными нормами Закона об отходах, если договор не формирует договорное отношение в четком соответствии с нормами законодательства об отходах, в частности порядку накопления, сбора, транспортировке и утилизации (захоронению) отходов.

В такой ситуации, возвращаясь к указанным выше судебным актам, даже если подрядчик стал бы собственником отходов, то решения судов не должны измениться, поскольку подрядчик все равно не стал образователем отходов.

³¹ По делу о проверке конституционности статьи 16...

³² Постановление АС Северо-Кавказского округа от 24.09.2024 по делу № А32-34323/2023. СПС КонсультантПлюс.

³³ Постановление 17 ААС от 21.01.2025 по делу № А50-13227/2024. СПС КонсультантПлюс.

Если при распоряжении правом собственности на отходы стороны договора ограничены императивными нормами и не вольны устанавливать любые условия, то видится обязательным включение продавцом отхода в договор купли-продажи (либо любое иное соглашение, которое переносит право собственности) как минимум условия об обязанности покупателя осуществить сбор, накопление и утилизацию отхода (или его часть) в соответствии с требованиями законодательства, а в случае нарушения данных условий – возместить продавцу все его подтвержденные расходы по уплате публичных платежей, возникшие вследствие нарушения покупателем порядка обращения с отходами.

Вопрос приобретения права собственности на вещь, продукцию, образовавшуюся в результате утилизации, следует урегулировать дополнительно в зависимости от следующих обстоятельств: передается ли отход и / или результат его утилизации в собственность продавца, либо же на основании ст. 220 ГК РФ он будет являться собственностью покупателя, обладает ли подрядчик необходимой право-субъектностью для обработки и утилизации отходов.

Указанные условия, безусловно, не устраниют для продавца отхода (первоначального образователя отхода) риск предъявления к нему претензий надзирающего органа, однако включение таких условий значительно изменяет ситуацию. Покупатель теперь будет стимулироваться к более рациональному поведению, поскольку фискальная обязанность, связанная с уплатой НВОС, будет лежать на нем.

Несколько иначе необходимо рассматривать сферу обращения с отходами в области недропользования. Вернемся к обозначенному нами ранее примеру использования вскрышных и вмещающих горных пород. Недропользователь, владеющий лицензией на пользование недрами, в результате добычи полезных ископаемых получает вскрышные и вмещающие горные породы (по сути, отходы), которые теперь (в силу новых норм Закона о недрах) он может передать третьему лицу в целях извлечения из них полезных ископаемых либо использования их в иной деятельности этого лица.

Как было обозначено ранее, такая передача должна осуществляться на основании договора, заключаемого образователем отходов недропользования с принимающей стороной. Вскрышные и вмещающие горные породы, которые используются в соответствии со ст. 23.5 Закона о недрах, не признаются отходами, в отличие от иных отходов недропользования. Другие отходы недропользования, которые могут использоваться согласно ст. 23.4 Закона о недрах, признаются отходами с вытекающими из этого обязанностями его собственников, в том числе в области платы за НВОС

и т. п. Соответственно, передача вскрышных и вмещающих пород недропользователем иному лицу не ограничивается Законом об отходах, и недропользователь может урегулировать в договорном порядке множество аспектов их оборота, в том числе и вопрос о праве собственности на отходы, которые будут получены после использования передаваемых пород.

В силу обозначенных нами ранее законодательных изменений, в лицензиях на недропользование, выданных после 1 сентября 2023 г., будут указываться не только собственники добываемых полезных ископаемых, но и собственники вскрышных и вмещающих горных пород (и иных отходов недропользования). Рассмотрим с учетом этого ситуацию, при которой по условиям лицензии собственником вскрышных и вмещающих горных пород будет выступать недропользователь, владеющий лицензией на добычу основного полезного ископаемого.

Недропользователь (как собственник вскрышных и вмещающих горных пород) вправе на основании ст. 23.5 Закона о недрах передать последние третьему лицу для извлечения им полезных ископаемых. При этом право собственности на полезные ископаемые остается за недропользователем и не переносится на указанное третье лицо. Обозначенное нами третье лицо осуществляет обработку горных пород, в процессе этого образуются отходы (например, хвосты), которые, по общему правилу (ст. 220 ГК РФ), должны поступать в собственность недропользователя как собственника первоначальной вещи (материала). Однако Закон о недрах и иное специальное законодательство напрямую не запрещают урегулировать вопрос собственности на отходы, полученные при извлечении полезных ископаемых из вскрышных и вмещающих пород, в ином порядке. Поскольку вмещающие и вскрышные породы не являются отходами, если используются в рамках ст. 23.5 Закона о недрах, то и их юридическая передача не сильно отличается от обозначенной нами ранее ситуации со сносом здания по заказу собственника, когда подрядчику передавалось здание для целей его уничтожения и выведения из гражданского оборота (то есть передавалось владение, но не собственность).

В результате для недропользователя нет ограничений по включению в договор с таким третьим лицом условия, по которому образовавшиеся после извлечения из пород хвосты (и иные отходы) поступают в собственность такого третьего лица. В этой ситуации отход образовался юридически впервые именно в момент переработки третьим лицом вскрышных и вмещающих горных пород. До этого момента указанные вещи отходами не являлись. В такой ситуации следует признать, что ответственным за утилизацию отхода и оплаты НВОС должно быть именно данное третье лицо.

Установленная Законом о недрах цель наиболее полного извлечения полезного ископаемого может быть не достигнута, например, из-за того, что третье лицо не приступит к работе по извлечению полезных ископаемых из вскрышных и вмещающих горных пород, либо им будут нарушены иные императивно предписанные цели, указанные в ст. 23.5 Закона о недрах. В данной ситуации презумпция «не отхода» у вскрышных и вмещающих пород будет разрушена, в результате чего обозначенные горные породы превратятся в отход. На такой случай встанет вопрос о праве собственности на отход, который образовался в результате нарушения ст. 23.5 Закона о недрах.

Напомним, что Приказом Минприроды России № 247, Роснедр № 04 от 25.04.2023 утвержден порядок использования отходов недропользования. При разработке данного документа его проект содержал положение о том, что в случае неиспользования третьим лицом горной породы и, соответственно, превращения ее в отход эта порода возвращалась недропользователю. Однако в финальную версию проекта эти положения не вошли.

Отсутствие данного положения в представлении приказе объясняется новой редакцией п. 5 ст. 16.1 Закона об охране окружающей среды, согласно которой в случае, если третье лицо не использовало вскрышные и вмещающие горные породы в целях, предусмотренных ст. 23.5 Закона о недрах, именно оно осуществляет плату за негативное воздействие на окружающую среду. При передаче вскрышных и вмещающих горных пород третьему лицу режим отхода при правомерном поведении недропользователя, соблюдавшего требования ст. 23.5 Закона о недрах, не может появиться ретроактивно. Потому по общему правилу сохраняется юридическая презумпция того, что в момент передачи недропользователем третьему лицу вскрышных или вмещающих пород последние являлись товаром, но не отходом. Но они могут превратиться в отход уже позднее, вследствие действий третьего лица.

Также мы можем заметить определенное послабление для недропользователя, который именно в недропользовательском правоотношении освобожден от рисков, обычно остающихся у собственника отходов. Здесь недропользователь защищен с момента передачи отхода третьему лицу, которое теперь должно самостоятельно осуществлять все обязательные платежи в случае признания вскрышных и вмещающих пород отходами. Отметим, что указанный переход рисков основан не на гражданско-правовой сделке, а на императивном предписании охранительного отношения сферы недропользования.

Заключение

Несмотря на закрепленное в ст. 4 Закона об отходах правило о применении к отходам гражданского-правового института собственности и декларирование полного делегирования указанного вопроса действующему ГК РФ, специальное законодательство сферы отходов и недропользования все же устанавливает существенные особенности, о которых всегда следует помнить образователю отходов:

1. Особенность такой категории вещей, как отход, заключается в том, что он представляет собой объект гражданских прав, обращение с которым допустимо в строго определенных границах, обеспечивающих вывод самого отхода из гражданского оборота, а само по себе «отходное» правоотношение обеспечивает указанную публичным законодательством цель.

2. Право собственности на отходы связано с обязательством по выведению их из оборота, в связи с чем для определения обязанного лица используется категория *образователь отхода*. Образователь отхода остается в отходном правоотношении до того момента, пока отход не будет окончательно удален из оборота в соответствии с законодательством. Наделение образователя отходов правом собственности на них преследует цель определения обязанного лица, которое и должно будет совершить все предписанные в отношении отхода действия.

3. Образователю отходов, который намеревается осуществить их продажу (либо иную передачу), всегда следует помнить, что, передавая отход третьему лицу, он несет риск возможных последствий, связанных с действиями данного лица по обращению с отходами. Если третье лицо нарушит порядок обращения с отходами, то обязанность по внесению публичных платежей все равно сохраняется за образователем отходов, несмотря на то что собственником отхода он уже не является, например, в соответствии с заключенным и исполненным договором. Исключение из этого правила – передача отхода третьему лицу, специализирующемуся на обращении с указанными отходами (для целей утилизации либо захоронения отхода). В таком случае будет считаться, что образователь отхода полностью исполнил свою обязанность по выведению отхода из оборота, сняв с себя все дальнейшие риски за его судьбу и соответствующие фискально-экологические обязанности.

4. Особенность использования вскрышных и вмещающих горных пород заключается в том, что последние не признаются отходами в силу презумпции, установленной в ст. 23.5 Закона о недрах. Недропользователю предоставляется возможность наиболее рационального использования недр (использования вскрышных и вмещающих горных пород в своем технологическом процессе и извлечения из них полезных ископаемых), а потому

до нарушения им требований по обращению со вскрышными и вмещающими горными породами он не считается образователем отхода, не должен платить за НВОС и иные фискальные платежи. Недропользователь также может передать указанные породы иному лицу с целью извлечения дополнительной прибыли при условии соблюдения требований законодательства о недрах.

5. Включение в договор условий об ответственности приобретателя отходов за нарушение требований по обращению с отходами, а также перераспределение права собственности на продукцию, получаемую в результате утилизации отходов (т. е. их переработки с точки зрения ст. 220 ГК РФ), могут иметь значение при предъявлении требований к образователю отходов со стороны контролирующих

органов, а также для последующей возможности взыскания убытков.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for the information published in this article.

Литература / References

1. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с. [Sukhanov E. A. *Property law: Scientific and educational essay*. Moscow: Statut, 2017, 560. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zuyaup>
2. Российская юридическая энциклопедия, ред. А. Я. Сухарев. М.: Инфра-М, 1999. 1110 с. [*Russian legal encyclopedia*, ed. Sukharev A. Ya. Moscow: Infra-M, 1999, 1110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vwwsal>
3. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 1997. Ч. 1. 846 с. [Meyer D. I. *Russian civil law*. Moscow: Statut, 1997, pt. 1, 846. (In Russ.)]
4. Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. 360 с. [Alekseev S. S. *General theory of law*. Moscow: Iurid. lit., 1982, vol. 2, 360. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rfstqn>
5. Советское гражданское право, ред. В. А. Рясенцев. М.: Юрид. лит., 1986. Ч. 1. 560 с. [*Soviet civil law*, ed. Ryasentsev V. A. Moscow: Iurid. lit., 1986, pt. 1, 560. (In Russ.)]
6. Советское гражданское право, ред. Ю. Х. Калмыков, В. А. Тархов. Саратов: Сарат. ун-т, 1991. Т. 1. 496 с. [*Soviet civil law*, eds. Kalmykov Yu. Kh., Tarkhov V. A. Saratov: Saratov University, 1991, vol. 1, 496. (In Russ.)]
7. Егоров А. В. Понятие вещи в Гражданском кодексе 1994 года. *Цивилистика*. 2024. Т. 2. № 6. С. 87–122. [Egorov A. V. The concept of a thing in the Civil Code of 1994. *Civilistics*, 2024, 2(6): 87–122. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/scfzmv>
8. Стучка П. И. Курс советского гражданского права. I: Введение в теорию гражданского права. М.: Коммунистическая академия, 1927. 230 с. [Stuchka P. I. *Course of Soviet civil law. Part 1: Introduction to the theory of civil law*. Moscow: Kommunisticheskaja akademija, 1927, 230. (In Russ.)]
9. Прошальгин Р. А. Юридические пороки сделки, совершенной пользователем недр, по отчуждению вскрышных и вмещающих горных пород, содержащих общераспространенные полезные ископаемые. *Хозяйство и право*. 2024. № 3. С. 41–52. [Proshchalygin R. A. Legal defects of a transaction performed by a subsoil user, aimed at alienation of uncovering and surrounding rock containing industrial minerals. *Economy and Law*, 2024, (3): 41–52. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2024-3-41-52>
10. Гутников О. В. Недействительность сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. М.: Бератор-Пресс, 2003. 576 с. [Gutnikov O. V. *Invalidity of a transaction in civil law. Theory and practice of contesting*. Moscow: Berator-Press, 2003, 576. (In Russ.)]
11. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л.: АН СССР, 1948. 839 с. [Venedikov A. V. *State socialist property*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1948, 839. (In Russ.)]
12. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. СПб.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. 532 с. [*Shershenevich G. F. Textbook of Russian civil law*. 9th ed. St. Petersburg: Izd. Br. Bashmakovyh, 1911, 532. (In Russ.)]
13. Бесланеева М. С. Сравнительная характеристика правового режима отходов недропользования в странах СНГ. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2022. Т. 18. № 4. С. 93–101. [Beslaneeva M. S. Comparative characteristics of the legal regime of subsoil use waste in the CIS countries. *Journal of foreign legislation and comparative law*, 2022, 18(4): 93–101. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jflcl.2022.052>

14. Бутов И. И., Орлова И. Г., Дмитриева С. В. Отходы недропользования – что это? *Экология производства*. 2021. № 10. С. 60–71. [Butov I. I., Orlova I. G., Dmitrieva S. V. What is subsoil waste? *Production ecology*, 2021, (10): 60–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twkmto>
15. Прощалыгин Р. А. Юридические признаки и дефиниция отходов недропользования. *Хозяйство и право*. 2024. № 5. С. 43–54. [Proshchalygin R. A. The legal characteristics and definition of subsoil use waste. *Economy and Law*, 2024, (5): 43–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2024-5-43-54>
16. Мельгунов В. Д., Костарева А. Н. О некоторых вопросах правового регулирования обращения с отходами бурения нефтяных и газовых скважин. *Минеральные ресурсы России. Экономика и управление*. 2015. № 1. С. 64–68. [Melgunov V. D., Kostareva A. N. On some issues of legal regulation for the disposal of oil and gas well drilling waste. *Mineral Resources of Russia. Economics and Management*, 2015, (1): 64–68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tjukud>
17. Вакуленко А. В. Отходы недропользования: кардинальные изменения. *Экология производства*. 2023. № 6. С. 20–30. [Vakulenko A. V. Subsoil waste: Cardinal changes. *Production ecology*, 2023, (6): 20–30. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33465/2078-3981-2023-227-6-18-28>
18. Пономарев М. В. Эколого-правовые проблемы обращения с отходами недропользования в Арктической зоне Российской Федерации. *Журнал российского права*. 2021. № 10. С. 143–156. [Ponomarev M. V. Environmental and legal problems of subsurface use waste management in the Arctic zone of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*, 2021, (10): 143–156. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jrl.2021.129>
19. Прощалыгин Р. А. Проблема нормативного закрепления права собственности на отходы недропользования. *Хозяйство и право*. 2023. № 10. С. 69–79. [Proshchalygin R. A. The problem of the statutory consolidation of the right to subsoil management waste. *Economy and Law*, 2023, (10): 69–79. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-10-69-79>
20. Лапина П. С. Правовое регулирование использования отходов недропользования: новеллы. *Вопросы российского и международного права*. 2023. Т. 13. № 6–1. С. 185–193. [Lapina P. S. Legal regulation of the use of subsurface use waste: Legislative innovations. *Issues of Russian and international law*, 2023, 13(6-1): 185–193. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2023.80.34.029>
21. Прощалыгин Р. А. Проблема определения правовой природы права пользования отходами недропользования. *Хозяйство и право*. 2025. № 2. С. 65–78. [Proshchalygin R. A. The problem of determination of the legal nature of the right to use subsoil management waste. *Economy and Law*, 2025, (2): 65–78. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2025-2-65-78>
22. Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака. *Вестник гражданского права*. 2019. Т. 19. № 6. С. 51–107. [Egorov A. V. Dispositive transactions: To leave the twilight. *Civil Law Review*, 2019, 19(6): 51–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2019-19-6-51-107>
23. Общие положения о сделке: комментарий к статьям 153–165.1, 181.1–181.5 и 190–194 ГК РФ, ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2025. 844 с. [General provisions on the transaction: Commentary to Articles 153–165.1, 181.1–181.5 and 190–194 of the Civil Code of the Russian Federation, ed. Karapetov A. G. Moscow: M-Logos, 2025, 844. (In Russ.)]
24. Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. Т. 1. 490 с. [Agarkov M. M. Selected works on civil law. Moscow: Center YurInfoR, 2002, vol. 1, 490. (In Russ.)]
25. Резе А. Г. К вопросу об определении принципов вещного права. *Актуальные проблемы гражданского права*, ред. О. Ю. Шилохвост. М.: Норма, 2005. Вып. 9. С. 243–298. [Reze A. G. Defining the principles of property law. *Current issues of civil law*, ed. Shilokhvost O. Y. Moscow: Norma, 2005, iss. 9, 243–298. (In Russ.)]
26. Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. М.: Волтерс Кluwer, 2011. 368 с. [Emelkina I. A. System of limited property rights to a land plot. Moscow: Wolters Kluwer, 2011, 368. (In Russ.)]
27. Махиня Е. А. Принцип закрытого перечня (numeris clause) вещных прав и его реализация в современном законодательстве и правоприменительной деятельности. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2015. № 4. С. 52–59. [Makhinya E. A. The principle of the closed list (numeris clausus) of corporeal rights and its implementation in modern legislation and law enforcement activity. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki*, 2015, (4): 52–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vbsjxh>
28. Учет отходов, проданных по договорам поставки. *Твердые бытовые отходы*. 2024. № 10. С. 57–59. [Accounting of waste sold under supply contracts. *Municipal Solid Waste*, 2024, (10): 57–59. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ptusjy>